

Алексей Тенчой

Зигзаг судьбы

Алексей Тенчой

Зигзаг судьбы

«Издательские решения»

Тенчой А.

Зигзаг судьбы / А. Тенчой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859241-6

В книге рассказывается о чудесах, о том как оролон или зомби встает из могилы. И это случается в простой воинской части. Кто-то верит своим глазам, а кто-то нет, отрицая действительность. Но для всех это урок существования явлений, не поддающихся объяснению. Даже военным пришлось приглашать ламу-чодчего, чтобы успокоить взбесившего мертвеца. «Разумный обретает веру и мудрость ради блага своей жизни; они — его ценнейшее богатство. Все прочее богатство — просто мусор», — сказал Будда.

ISBN 978-5-44-859241-6

© Тенчой А.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. Александра	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зигзаг судьбы

Алексей Тенчой

© Алексей Тенчой, 2021

ISBN 978-5-4485-9241-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. Александра

*«В надменши своем нечестивый пренебрегает Господа: не възмет;
во всех помыслах его: нет Бога!»*
Псалтирь 9:25

Шел спектакль. В гримерке было слышно все, что говорили актеры на сцене. Саша, прислушиваясь, разбирала ткани, плотно упакованные в коробки. Девушка – костюмер надеялась, что управится со всем этим богатством до окончания первого акта.

– Эй, подай-ка скорее мне вон тот палантин! – крикнула вбежавшая в гримерку актриса.

– Ну, что ты копаешься! Спектакль идет! Вон тот, синий! – торопила актриса, пальцем указывая на полку.

Саша попробовала дотянуться до палантина, но из-за того, что была небольшого роста, она сразу не смогла это сделать. Тогда девушка встала на цыпочки и, слегка подпрыгнув, пальцами зацепила ткань. Палантин свободно соскользнул ей в руки.

– Такой мягкий... Хмм, что это за ткань? – пронеслось мимоходом в голове у Саши, – чисто профессиональный интерес отвлек ее от зародившейся обиды на пренебрежительное обращение «эй». Эта звезда могла бы уже запомнить имя своего костюмера, ведь Саша уже давно работала в театре.

– Давай скорее! Кидай!

Палантин, словно красивая птица, пролетел по комнате.

– Мерси! А то у вас тут столько всего наставлено – ни пройти ни проехать, – рассмеялась довольная актриса и, накинув на плечи палантин, убежала на сцену.

***

Саша достаточно быстро разобрала ткани, уложила их в стеллажи и в антракте даже успела показать приме театра лучшие ткани. Потом ее ждал помощник режиссера. Часа полтора они утверждали, какие ткани подойдут для костюмов в новом спектакле. При театре у нее была своя мастерская, где находилось швейное оборудование. А в костюмерном цехе кроме Саши работали еще несколько человек. Александра же шила не только театральные костюмы, но еще брала частные заказы, поэтому денег на жизнь ей вполне хватало.

Молодая женщина выбежала из театра воодушевленная, ведь ей предстояло много работы – сделать выкройки и сшить костюмы для нового спектакля. Но пока она доехала на своем старом фольксваген – подарке ее покойного отца – до дома, настроение ее ухудшилось, ведь там девушку никто не ждал. Поэтому Саша решила сначала заглянуть к своей подруге Веронике, которая жила в соседнем доме. Вроде они и не были близкими подругами, но после смерти близких у Саши не осталось никого, кроме Вероники. Девушка случайно встретила Веронику сразу после похорон бабушки. А та, увидев зареванную Сашу, привела ее к себе домой, напоила чаем, успокоила, а когда выяснила причину слез, оставила ночевать у себя. Так девушки из просто знакомых внезапно стали очень близкими подругами.

Забежав в подъезд, ярко освещенный лампами дневного света, Саша поднялась по лестнице на третий этаж, и слегка запыхавшись, нажала на кнопку звонка.

– Ну что, красотка! – встретила ее подруга. – Сшила себе новый костюмчик!

Подруги обнялись и Вероника, рассматривая Сашину обновку, так восхищалась, что мастерица пообещала сделать подруге такой же, а может даже еще и лучше.

– Опять на работе засиделась. Смотри, времени восемь, дома-то еды нет? Проходи на кухню. Накормлю тебя! – Вероника налила подруге суп, подвинула ближе тарелку с хлебом, а на плите уже шкворчало в сковородке аппетитно пахнущее жаркое.

– Я домой как-то не очень. – устало заметила Саша.

– Да, конечно. Сначала отец твой, потом бабуля, потом мама. Досталось тебе. И я бы грустила совсем одна в квартире. Так много близких, и вдруг – сразу никого.

– Папа-то с нами не жил. Я, правда, не понимаю, зачем они развоились, ведь никто из них не собирався устраивать личную жизнь на стороне. Просто родители как-будто устали друг от друга. Так и жили, в гости ходили друг к другу. Мама потом ухаживала за бабулей. Да и умерли они все с разницей в месяц. Любили они друг друга, видимо. – Вдруг разоткровенничалась Саша.

– Бедная ты моя. Сколько тебе пришлось пережить. Знаешь, подруга, я тебе так скажу, пора тебе мужа искать. Прошел траур, 40 дней со смерти твоей мамы. Надо выкарабкаться из этой беспросветной печали. Ты вот молодая, 25 лет всего, красавица, модница, одеваешься шикарно, ателье свое. Найдем тебе мужа, заживете с ним душа в душу, – переживая за подругу, советовала Вероника, шумно прихлебывая чай.

– Знаешь, Вероник, мне кажется, не счастливые мы по женской линии. Мама вон, отца встретила и все равно развелась, бабуля, там вообще отдельная история, все женщины с тяжелой судьбой. Не выйду я замуж.

– Да ладно, подруга. Это все предрассудки.

– Нет, я вот тебе расскажу, ты поймешь!

– Ну, давай, рассказывай. Только под такую историю надо бы водочки. – Вероника встала и потянулась за бутылкой, которая стояла на полке над холодильником.

– Твой-то не придет сегодня? – поинтересовалась Саша.

– Да нет. Сегодня можем болтать хоть до ночи. Ты выговоришься. Вижу же, что ты после смертей этих сама не своя ходишь, заплаканная. Давай, слушаю про твоих внимательно!

– Моя прапрабабка была из рода донских казаков. Женщины у казаков и верхом на лошади ездили, и по дому хозяйки отличные, петь и плясать мастерицы. Прабабка Клавдия, видимо, была главой семьи. Приданое у неё было богатое. Муж же её, Игнат, был из семьи победнее, поэтому родственники мужа радовались, что их сын так хорошо в жизни устроился и не обращали внимания на крутой нрав невестки. У Клавдии приданое состояло из мельницы, при которой было около десяти работников. А еще был дом, зернохранилище, скот и роскошный фруктовый сад. Игнат был человеком скромным, воспитанным, непьющим, читающим. Потихоньку они собрали библиотеку. Своим детям Игнат прививал любовь и бережное отношение к книгам, а посему они очень любили читать. По вечерам вся семья садилась за стол, и дети вслух по очереди читали книги. Клавдия была не только богатой невестой, но и красавицей. Характер у неё был настоящий казачий. Своенравная, упрямая и весьма находчивая, и умная. Бабуля рассказывала много историй. Вот, например, во время первой мировой войны был такой случай: мужу Клавдии поручили сторожить вагон с зерном. Был Игнат сильно уставший, заснул на посту. Ему показалось, что только закрыл глаза и тут же проснулся, встряхнул головой, глядь, а вагона как не бывало. Прибежал он к жене, благо дом был не далеко, чуть не плачет, охает! Вагон увели! Угнали! А в те времена за такое ему трибунал грозил. Он уже готов был пойти каяться, но Клавдия его остановила: «А, ну-ка, собирайся! Идём вагон искать!»

– Да где мы его отыщем, Клавочка? – Удивился Игнат. – Его не только вывезли, но же, наверное, и растащили по домам.

– Найдем, говорю! Собирайся быстрее! – Строго приказала ему жена.

Игнат не спорил, а быстрым шагом, едва поспевая, шел следом за женой.

– Вагон может уехать только по путям, давай рассказывай, где есть тупики, – поучала жена мужа. И ведь действительно, очень быстро они нашли пропажу и вернули вагон на прежнее место. Его не успели разграбить, только отогнали в укромный тупик, и локомотив еще был прицеплен к нему.

Но потом произошла октябрьская революция, и, как и многих других, пришли их раскулачивать. Работникам у Клавдии всегда платили хорошо и вовремя, потому они встали на защиту своих хозяев, встретили они своих якобы «спасителей» – с вилами и топорами, чтобы суметь сохранить за собой возможность остаться при работе и пропитании. Большевики ушли тогда, опешив, но потом все-таки вернулись еще раз и отобрали имущество, в том числе мельницу, землю, разграбили дом и запасы, увели большую часть скота. Семья потеряла почти все, а Игнат воспринял все как личную трагедию. Не смог свыкнуться с потерей добра и запил. Он умер внезапно, оставил вдовой беременную жену. Вскоре Клавдия во время родов ушла вслед за мужем. Так остались сиротами дети, старшая из которых Мария, вынуждена была заботиться о братьях и сестрах. В свои пятнадцать она пошла работать на завод разнорабочей, сначала получила койку в общежитии. А через полгода, благодаря бойкому характеру, да грамотности, да смекалке, она дослужилась до начальника отдела кадров, приписав себе тройку-пятерку лет. Мария еще фамилию другую указала, сочинила, что документы она потеряла в пожаре. Смекалистая девушка выправила документы всем своим братьям и сестрам, и они с тех пор стали простыми крестьянами, но никак не кулаками, не врагами народа. Теперь они жили в маленьком домике, который им выделили от завода.

Несмотря на боевой характер Марии, все ее братья и сестры её очень любили, она баловала их как могла. Много она пережила за свою жизнь. Такая она решительная всегда была, всем помогала. В их небольшом доме во время войны жили чужие люди, чужие дети, которые терялись во время эвакуации, и которых Мария случайно находила на улице. Все вместе они трудились на огороде, и тяжелую зиму переживали только благодаря дружному труду, да Марии, у которой был очень хороший паек. Но несмотря на добрые дела судьба будто карала Марию. Один за другим умирали ее родные братья и сестры. Кто под машину попал, кого застрелил контуженный военный, кто-то провалился под лед зимой.

Есть семейная легенда, будто несколько дней в начале войны в домике успела пожить какая-то то ли юродивая, то ли монашка, которая в благодарность за кров и хлеб предостерегла Марию, что бы та научила своих сестер смирять гордыню. Что ежели не усмирят они свою гордыню, то род прервется. И уходя она оставила псалтырь, с закладками в тех местах, что надо было читать ежедневно, дабы смирить гордыню, которая так вредила их семье. Но Мария не поняла, о чем говорила старуха, да и читать стихи, которые были в псалтыри, она не стала, как не читали ни ее сестры, ни братья. Но книгу не выбрасывала, а хранила, правда спрятав в самый дальний угол шкафа, и завернув в кусок самой не нужной материи.

Спустя год Мария вспомнила о псалтыри и начала читать книгу каждый вечер. Тогда ее племянник Федор, сын ее сестры Зинаиды, украл со склада, который охранял, пачку печенья. Узнали об этом проступке и Федора, шестнадцати лет от роду, за это отправили воевать в штрафной батальон. Как узнала об этом его мать, так без чувств и упала и пролежала так три дня. Надо сказать, что к тому времени из всех братьев и сестер в живых остались лишь Мария да Зинаида, у которой кроме сына была еще совсем маленькая дочка. Вот тогда Мария вспомнила слова монашки, вынула из дальнего угла заветную книгу да стала тихонечко у кровати сестры читать. И удивительно, но сестра пришла в себя, а от Феди пришло письмо, что он еще пока живой. Мальчишке совсем не хотелось умирать, он всячески уворачивался от пуль, и судьба берегла его. Мария отдала псалтырь Зинаиде, и теперь та стала читать его каждый вечер. В штрафном батальоне Федор прошел всю войну без единой царапины. Когда война закончилась и он вернулся домой, то не нашел своей девушки, что обещала его дожидаться с войны. Для этой девушки Федя и крал то самое печенье. Расстроился парень, хоть и понимал, что не просто так она пропала. Зинаида, видя страдания сына, сказала: «Не печалься! Поехали искать её!». Так и сделали. У соседей выяснили кое-как, что она уехала в Грузию. Мать и сын собрались в дорогу, а маленькую дочку Зинаида не рискнула взять с собой, оставила сестре Марии на воспитание.

Добрались до Грузии. Пока искали невесту Федора, Зинаида познакомилась с грузинской семьей – такой же вдовой с детьми, как и она сама. Зинаида помогала им по хозяйству, нянчила детей, а потом устроилась работать на завод в Тбилиси. Эта же семья помогала в поисках невесты Федора. Оказалось, что бывшая невеста успела выйти замуж и родить двойняшек, что было сильным ударом для Федора. Он так переживал, что заболел и слег, а вскоре умер.

А Зинаида в трауре по своему сыну осталась жить и работать в Грузии да ухаживать за его могилкой. Чужие дети помогли ей пережить горе от потери сына. К тому времени Мария, которая так и не вышла замуж, и не имела своих детей, внезапно умерла. Пока почта с печальными новостями дошла до Грузии, дочку Зинаиды, Аксинью, чуть не отдали в детский дом. Те люди, которых Мария приютила во время войны, отправили телеграмму Зинаиде и спасли ее дочку от детского дома. И Зинаида забрала свою девочку в Грузию. Так и получилось, что из всей большой семьи только Зинаида да ее дочка Аксинья остались живыми после войны. Девочка вместе со своими вещами привезла в Грузию кошелечек с украшениями Марии и сверток из ткани, который Зинаида узнала и расплакалась. В потрепанную ткань был завернут тот самый псалтырь, что читала Мария над ней, и который она, несчастная мать, читала всю войну за своего сына. К Зинаиде постоянно сватались женихи, ведь она была красивой, статной женщиной, но та так любила своего пропавшего на войне мужа, что никто не был ей мил. Все время она проводила на могилке сына и по вечерам читала псалтырь. Так и умерла она вдовой через несколько дней после того, когда ее дочери, а моей бабушке, исполнилось 18 лет.

Вот так все женщины в нашем роду умирали вдовыми и достаточно молодыми. А Аксинья – это моя бабушка, вот она дожила до шестидесяти. Она рассказывала, что сразу после школы, после смерти своей матери, она очень приглянулась взрослому уже импозантному мужчине, который по стечению обстоятельств тоже волею судеб оказался в Грузии. Он был писателем, любил фантазировать и был очень обаятельным. Они очень быстро расписались. Однако, Аксинья не знала, каково это – жить с писателем, тем более, если писатель был репрессирован, а когда вышел из тюрьмы и переехал в Грузию, то жить нормальной жизнью уже не мог. Тюрьма надломилась его психику, и хоть по своей натуре человеком он был мягким, частенько, уже будучи в браке с Аксиньей, он выпивал, уезжал к друзьям-писателям, мог пропасть и не появляться дома по несколько месяцев. И однажды, после очередного загула, он заявил своей жене, что встретил другую прекрасную женщину, с которой желает продолжить свой дальнейший жизненный путь. Аксинья от отчаянья, обиды, ревности устроила ему скандал, ну и, конечно, после этой словесной перебранки он был выставлен за дверь. Гордая казачка не могла стерпеть предательства. Прошло совсем немного времени и муж вновь появился на пороге дома Аксиньи. Почему он решил вернуться к ней. К тому времени бабушка поняла, что беременна мамой, поэтому простила деда. Впрочем, он вскоре умер. А бабушка, не имея образования, в свои двадцать зарабатывала на жизнь шитьем. И вскоре стала самой лучшей швеей в Тбилиси, а потом и в Москву перебравшись. Больше замуж бабушка так и не вышла. И да, ведь именно бабуля научила меня шить. В доме хранились журналы мод – и наши, и заграничные, которые им приносили знакомые. Бабушка потом работала в доме моды на Кузнецком. Шила очень сложные вещи, она была скрупулезным человеком, потому созданные ей изделия, всегда получались аккуратными, и всегда точно садились по фигуре. К слову, работала она всегда на двух работах – на официальной и были у нее частные заказы от знакомых на индивидуальный пошив вещей. И перед смертью ту книжку, псалтырь, еще со старыми ятями мне передала. Велела молиться. Сказала, что несчастливые мы все по женской линии.

– Ну и что тут такого сверхординарного? Такая судьба была у большинства в России. Война, революция, еще война. Ты, подруга, придумала себе что-то непонятное. Надумала. Женская доля – вдовыми ходить да детей поднимать. Давай ты послезавтра приходи ко мне, тебе про свою долю расскажу. Поболтаем. Завтра мой у меня ночует. А тебе обещаю, что найду тебе мужа подходящего, так и знай. Подруги распрошались, и Саша убежала ночевать домой.

Ночью, ворочаясь в кровати, Саша никак не могла уснуть. Растревоженная разговорами Вероники про замужество, она вспоминала своих бывших. Она считала, что в любви ей никогда не везло. Ее мама говорила, что она слишком доверчива, а это не самое наилучшее качество в человеке. Вспоминая как ее обижали мужчины, Саша расплакалась. Даже был такой, который оказался вором. Саша вздрогнула и укуталась в одеяло. Она еще горше заплакала, вспомнив как сильно страдала в то время. Пользуясь влюбленностью и доверчивостью девушки, парень обчистил ее, прихватил с собой золотые вещи – сережки, колечко, цепочку с подвеской, что ей подарили родители. Особенно Саше было стыдно за этот его поступок перед мамой, которая скорбела по золотым вещам. В сердцах мама выговаривала дочери, хорошо, что старинные фамильные вещи они бестолковой дочери не подарили. Мама просила сходить в милицию и подать заявление. Саша плакала и просила:

– Мам, ну перестань. Я заработаю и куплю себе украшения, неужели ты думаешь, что я пойду писать заявление и позорить себя по округе?

– Пойдешь и напишешь! – упрямо повторяла мама, – чтобы он еще таких же дурочек обидеть не мог. Но Саша не пошла никуда, а мама через год умерла. Тогда девушка еще раз просила прощения у мамы уже перед гробом.

– Прости меня, мамочка! – вновь пробормотала Саша, засыпая той ночью.

И словно в продолжение всех разговоров о женской тяжелой доле в ее семье, приснился Саше сон о ее бабке Аксинье. Да такой, что утром Саша проснулась вся в слезах. Она помнила, что что-то похожее слышала от бабушки, когда та ругалась с ее мамой по поводу очередного ухажера. Вытирая слезы со щек и удивляясь, что подушка стала от них совсем мокрой, будто ее полили водой, Саша пыталась вспомнить подробности страшного сна, который, скорее всего, сном и не был.

Снилось ей, что Аксинье тогда было лет 16. Молодая да задорная девица встретила свою первую любовь, да такую сильную, словно наваждение. Как-то пошла Аксинья с матерью на работу. Девушка помогала разгружать вагон, который только что пригнали на станцию. Аксинья подтягивала к дверям вагона тяжелые мешки, а там мужчины покрепче поднимали их и спускали на спины подходящих к вагону грузчиков. В этот момент вагон возьми и тронься. Это машинист, на радостях, что кончилась его смена, перебрал немного и спьяну поехал, чтобы отогнать паровоз в депо, думая, что вагон отцеплен. Рабочие закричали и в панике, распахивая друг друга, попрыгали из вагона. Почти все убежать успели, а Аксинья испугалась, потому что пока до нее дошла очередь, состав уже успел набрать скорость. Мать всполошилась, кричала дочке, чтобы та прыгала, а Аксинья ничего поделать не смогла, так и уехала. Её любимый тоже там был, увидел он, как вагон его девушку увозит, и стремглав помчался вдоль путей за составом.

Парень догнал вагон, забрался внутрь, обнял Аксинью, да и она так вцепилась в него от страха, что и руки разжать не могла. Уткнулась ему в плечо и разрыдалась. Парень тут даже и вроде в плечах распрямился, наклонился к ней, приподнял ее подбородок, заглянул в полные слез глаза и поцеловал Аксинью страстно. Аксинья, застигнутая врасплох, не могла сопротивляться, ощущая, как разливается по телу нега от этого поцелуя, а ноги слабнут и подкашиваются. Колеса монотонно стучали. Двери вагона захлопнулись, словно сама судьба подталкивала их к чему-то большему, чем поцелуй. Аксинья сначала пыталась сопротивляться и вырывалась, но быстро сдалась под натиском совершенно новых, неведомых ощущений. Вдруг вагон остановился. Они услышали, как на улице ругались на машиниста. Парочка затаилась на время, пока шли маневровые работы, а потом, когда все стихло, они потянулись друг к другу и потеряли счет времени. Домой Аксинья засобиравшись уже утром следующего дня, пока ее парень еще спал. Она бежала к дому, и радость от произошедшего сменилась страхом. Только Аксинья переступила порог родительского дома, ее мать с одного взгляда все поняла и стала ругать дочку, так как ее поведение могло грозить позором для всей семьи.

– Что теперь делать собираетесь? – Требовала она ответа от дочери, – вы говорили об этом?

– Нет, не говорили, – стыдливо глядя в пол мямлила дочь.

– Так надо поговорить, ты же понимаешь, что, если он на тебе не женится, это станет позором для тебя, для меня?

– Женится, – снова промямлила, но уже с большей уверенностью Аксинья, – он любит меня, он мне это сам сказал.

– Когда подол задирает? – Не унималась мать.

– Мама! – Закричала оскорбленная девушка, – перестань в людях только плохое видеть! – Она побежала к своей кровати и бросилась на нее, накрылась одеялом с головой, будто отгородившись от всего мира и разрыдалась.

Саше снилось, будто она и была этой Аксиньей. Так ярко она чувствовала этого мужчину, который целовал ее в вагоне с мешками, запахи степи, слезы от обиды. Но что произошло дальше в реальной жизни у бабушки, Саша не знала, и этот вопрос мучил ее. Ведь бабушка вышла замуж совсем за другого мужчину. В то утро Саша была особенно задумчива. Она вдруг пришла к выводу, что все время почему-то мужчины обижали всех женщин ее рода, кроме, разве что, ее отца. Но ведь мама ее тоже обижалась на отца, хотя Саше и казалось, что делала она это без серьезного повода, а просто по привычке. Саша думала, что в ее жизни, как и в жизни ее бабушек и мамы, как и в жизни любой женщины, конечно же, были влюбленности. Убегая от окружавшего ее одиночества, девушка цеплялась за эти отношения, но почему-то всегда ей поначалу хотелось проверить, насколько они весомые. Она и сама бы, наверное, не сумела объяснить себе, для чего она это делает? Как-будто пари с самой собой заключала о том, сколько по времени продлятся эти её новые отношения. Она словно проверяла своих возлюбленных на прочность, и пока не нашлось никого, кто прошел бы проверку.

Через день Саша, как и обещала, заглянула после работы к Веронике и нашла ее расстроенной, заплаканной. Не сдерживая слез, Вероника усадила подругу за стол, видно было, что молодая женщина уже выпила пару рюмок водки. Подруги выпили еще по одной рюмке, а Саша положила себе на тарелку хлеба с картошкой.

– Вот ты думаешь, что у тебя все плохо, – Начала всхлипывая рассказывать Вероника, – А я расскажу тебе про то, как меня жизнь потрепала. Все думаю о твоих бабушках, тяжело им было, но они росли в любви и ты росла в любви. Я отца совсем не помню, он умер, когда я была ещё совсем малышкой. Мать недолго горевала и очень скоро повторно вышла замуж, я помню ее фату белую и красивое платье, хоть мне и годика три было. Переехали мы в Подмоскowie, жилье получили, а вот с отчимом у меня отношения не ладились. Отчим был хамоватый, мог меня маленькую отгаскать за ухо. А когда мама умерла, отчим остался моим опекуном, но с горя стал выпивать. Частенько, когда он видел меня во дворе, просто проходя мимо, давал подзатыльник. Так продолжалось, пока мне не исполнилось 14. Я начала прятаться от отчима по подружкам. Но как-то не успела убежать из дома, когда отчим запил, и столкнулась с ним на кухне. Он напомнил мне пьяную гориллу, машущую кулаками. И схватила я первое попавшееся под руку – скалку. Не покалечила его, но припугнула сильно. Переполох был большой, отчим кричал: – Помогите, она меня убьет!

После того случая меня взяли на учет в детской комнате милиции, а отчима лишили родительских прав. До совершеннолетия я жила под опекой у дальней родственницы, я ухаживала за ней до ее смерти, и она оставила мне эту квартиру. За мной начали ухаживать парни. Среди всех них был один, в которого я сначала сильно влюбилась. Но он оказался наркоманом, я испугалась и сразу, как об этом узнала, бросила его, но он захаживал ко мне иногда. Потом я, наконец-то, встретила мужчину. Он солидный, обеспеченный, дарил подарки, отремонтировал квартиру, подарил машину. Казалось бы, живи да радуйся. И вот, звонит мне бывший ухажёр, наркоман и просит прощения. Плачет в трубку, говорит, что он прямо сейчас прыгнет

с крыши. Пока разговаривала, чувства к нему вспыхнули вновь да и поверила я ему. Поняла я, что люблю этого несчастного Ваську. Васька заверял меня, что завязал с наркотиками, и я поверила ему. Конечно, после этого, роман с солидным ухажером прервался. Через месяц случился большой скандал, оказалось, что Васька колется, как и раньше. Он побил меня. Соседи вызвали полицию. Прибывший наряд, выяснив все обстоятельства скандала, увез Василия. Я, оставшись одна в квартире, плакала, смотрела в зеркало на свои синяки и прикладывала к ним лед. Тут как раз, просто по-дружески, позвонил мне поклонник, о существовании которого я уже, вроде бы, и забыла. Игорь Степанович приехал быстро, отвёз в больницу.

– Вот теперь у меня все хорошо, я здорова и мужчина со мной надежный. Но сердце болит за Ваську – всхлипывая, делилась своими горестями Вероника.

– О себе подумай, – советовала Саша, переживая за Веронику. – Возьми себя в руки, найди дело по душе, займи себя чем-нибудь. Ты же вот с детьми отлично ладишь, ну походи нянечкой к малышу какому-то или помощником воспитателя поначалу в детский центр, а там, глядишь, и жизнь изменится.

Александра, которая словно сквозь свое сердце пропустила всю историю подруги, все ее страдания и волнения, побрела к себе домой. И, конечно же, вспомнила сразу о своих обидах на мужчин. На сердце у молодой женщины было тяжело. По пути домой она думала о том, что от давящей тишины квартиры и от навалившегося на нее одиночества мог бы спасти ее долгожданный мужчина.

– Что сложного найти спутника жизни? Хороших людей ведь много? Так, словно в ее голову эти мысли вложили мама и бабушка, размышляла Саша. Ей казалось, что совсем нетрудно встретить человека, который полюбит ее, а она – его. Все условия для семейной жизни у нее есть, и станут они вместе с ним жить в счастье, родят ребенка, воспитают его. Будет ли она тогда счастлива? Дома, опустошенная и уставшая, она мгновенно уснула.

Саше в ту ночь опять снились мужчины, которые так или иначе обижали ее. Но она запомнила только сон, в котором она расставалась с мужчиной по имени Вячеслав. Ей снилось, что ради него она отказалась от своего ателье, от работы в театре, а он хладнокровно бросил ее. Снился этот момент расставания – мучительный и жестокий. Тогда Саша и узнала, что он был женат.

– Хочешь, чтобы я ушел? Да, пожалуйста! Мне есть куда, у меня жена и ребенок, а ты останешься на бобах! – кричал взбешенный любовник. У Александры от таких слов перехватило дыхание, она не смогла ничего ответить, в ярости бросила в мужчину первым подвернувшимся под руку предметом – бокалом, потом чашкой и тарелкой. Вячеслав, уклоняясь от летящей в него посуды, кое-как выскочил за дверь. Слезы обиды душили ее, и Саша могла только стонать от боли до хрипоты. Утром Саша проснулась в плохом настроении, еще больше обиженная на мужчин.

Александра отвезла в театр костюмы, над которыми она работала дома. Помощник режиссера весьма одобрительно отозвался о ее таланте, выплатил ей зарплату. Творческая работа приносила ей радость и одновременно, подобно личному психотерапевту, врачевала. Теперь она ехала обратно домой переполненная, как всегда, новыми идеями и по пути позволила себе в кафе перекусить, после чего ей нужно было дома вновь творить. Бюджет на спектакль был выделен огромный, и смена костюмов предполагалась очень частая.

Подъезжая к дому, Саша помрачнела, вновь вспоминая разговор с подругой о своих бабушках-прабабушках и их нелегкой судьбе. Да, – думала Саша, – всё же когда бабушка была молодой, все было иначе, у всех событий имелся вес, ей казалось, что не было цинизма, такого, что так распространен нынче. А сейчас время бежит с такой невероятной скоростью и быстротой. Мир будто дробится на множество осколков, и нет более никакой цельности, гармонии, тишины. С такими мыслями молодая женщина приступила к раскройке ткани. В тот день она заработалась и уснула поздно.

Ей опять снился тот мужчина по имени Вячеслав. Он появился в ее городе опять и уговорил возобновить отношения, попытаться сохранить то, что между ними раньше было. Александра была рада, что он осознал свои ошибки, раскаялся в них. Сначала все между ними было прекрасно. Саша была счастлива. Потом началось то, что уже когда-то происходило с ними. Мужчина стал заносчив, искал в ней недостатки, то отказывался от нее, то снова приходил к ней и дарил дорогие подарки, то не замечал её вовсе. В общем, всю душу ей вымотал. Она понимала, что он все время возвращался к своей семье – к жене и ребенку. И все время сама напоминала ему, что он обещал развестись. В одном из таких разгорающихся скандале, она накинулась на него с кулаками. Вячеслав, будучи очень крепким и высоким мужчиной, ухватил ее за шиворот, и пока Александра размахивала руками, пытаясь высвободиться, – он крепко держал ее.

Когда Саша остыла, Вячеслав грубо прошипел.

– Пошла вон от меня, истеричка.

– Сам уходи отсюда! – закричала она в ответ. Потом она подскочила к шкафу, раскрыла створки и стала нервно срывать с вешалок одежду Вячеслава и запихивать их в попавшуюся под руку наволочку. Вячеслав сначала попытался ее остановить, но это было бесполезно, Александра не унималась, а, наоборот, от его прикосновений, приходила еще в большую ярость и он, тогда отстранившись от нее, стоял в сторонке и смотрел, с какой ненавистью она собирает его вещи. Она выкинула его вещи на лестничную клетку и выпихнула его туда же. И громко хлопнула дверью, подтверждая свое решение. Совесть ее больше не мучила, она почувствовала себя свободной от этих греховных любовных пут.

Проснувшись, Саша решила, что теперь-то у нее всё будет по-другому. Раньше она думала, что любила, а теперь, когда произошли по-настоящему трагические события в её жизни, Саша вдруг поняла, что нет, ничего подобного не было. Она никого не любила. Да, она немного была влюблена, ей хотелось простого женского счастья, радости и тепла, но она никогда ещё не любила никого по-настоящему, так, чтобы смотреть в глаза возлюбленного, замирать от счастья в его руках. Зачем вообще начинать что-то, если через месяц или два или полгода всё это кончится, если отношения будут тяготить: «Да нет, конечно, – думала Саша, – даже если и будут трудности, то должно быть что-то, ради чего можно было бы их преодолеть. Не обращая внимания на жизненные неурядицы, преодолевать их потому, что рядом будет любовь, будет тот, кто поддержит, будет с тобой заодно, вместе, шаг за шагом. И тогда невзгоды разобьются о великое чувство любви, в борьбе с которым они бессильны. Вот это как раз и есть любовь, ради познания которой и стоит жить на этом свете!» И той самой любви, о которой она мечтала, у нее еще ни разу не случилась. Между всеми этими думами Саша, наконец-то, дошла театральные костюмы, которые брала домой для доработки мелких деталей. Рано утром за ней приехала служебная машина. Упаковав вещи по кофрам, Александра уложила их в машину и поехала в театр на генеральную репетицию исторического спектакля «Ричард Львиное Сердце», в котором и сама пробовала на репетициях играть роли за тех артистов, кто по какой-либо причине отсутствовал или задерживался на прогон.

Саша очень полюбила этот спектакль. Она была счастлива учить тексты персонажей, возиться с примерками костюмов, она все успевала и её любили и хвалили. Фактически замечательной актрисой на репетициях она выручала коллектив, и каждый мог в случае внезапной ситуации быть спокоен, что если задержится, то на замену выйдет Саша. Когда же Александра по случаю оставалась одна в костюмерной, она мысленно примеряла костюмы, гримировалась, и у огромного настенного зеркала проигрывала заученную и много раз просмотренную на репетициях роль. Она, танцует и кружась, читала с выражением текст. Потом, Александра словно слышала восторженные крики зрителей «браво!». Магия театра затягивала. Молодую женщину очень привлекало то, что происходило на сцене. Нравилась реальность, которая таинственным обра-

зом менялась! «Вот бы и в жизни так, – зачастую думала она, – раз, и ты уже не ты! И все люди вокруг тебя – совершенно другие личности».

Ещё Саше интересно наблюдать за волшебством преображения актеров. Ее вдохновляло, что именно она играет такую важную роль в этих трансформациях. Ведь без ее костюмов все эти перевоплощения, как она в тайне надеялась, были бы невозможны. И Александра создавала прекрасные костюмы, которые ничем не уступали тем, старинным, дворцовым, с золотой вышивкой, рюшами и оборками, – она мастерски копировала любую эпоху и ей это действительно удавалось, как никому другому.

Внезапно в вихре примерок и репетиций спектакля у нее случился роман с актером.

– О, как он хорош собой! – Шептались в театре.

У Александры, как у всего женского состава театральной труппы, от одного взгляда на него замирало сердце. Талантливый, яркий, обаятельный. Не было такого человека, ни среди коллег, ни среди зрителей, который не улыбнулся бы в ответ на его очаровательную улыбку. Прикосновения и его взгляды во время примерок дали ей повод подумать, что она нравится этому мужчине. Видно, он не привык долго ждать и сразу пригласил её поужинать. Она, немного растерявшись, приняла это приглашение.

Парочка встретилась вечером в уютном кафе. Александра была тронута вниманием этого мужчины, а он преподнёс ей розу. Роман вспыхнул внезапно и горел настолько страстным пламенем, что Александра, подобно окрыленной птице, просто летала от счастья. Они сразу стали жить вместе, он читал для нее стихи, пел, танцевал, смеялся, репетировал свои роли и она, подыгрывая ему, тоже включалась в процесс его творческой жизни. Театральная жизнь стала их повседневным праздником.

Святослав, так звали этого мужчину, был полон физических сил, решимости, идей, желания двигаться вперед, но, как говорится, «и на солнце бывают пятна», был и у него недостаток, уж очень он любил выпить. Саша не разделяла его склонность к алкоголю, она не хотела участвовать в долгих шумных застольях, отказываясь много пить вместе с ним и с людьми, в компании которых их постоянно приглашали. Довольно скоро это стало проблемой в отношениях пары. Святослав демонстративно подчеркивал, что Саша своими отказами вести богемную жизнь оскорбляет его. Через какое-то время он начал высказывать свое недовольство вслух прямо при посторонних.

– Ты как старуха, – раздраженно говорил он, – мне становится скучно с тобой.

Александра часто из-за этого недопонимания между ними плакала. Но праздновать премьеры с размахом и пить по несколько дней она отказывалась. Старалась вести обычный образ жизни в надежде, что он остановится. Тогда Святослав, выражая свой протест, запил в одиночку, прячась от Александры. Она страдала, понимая, что он пьет втихаря, так как часто находила бутылки с алкоголем, спрятанные то в белье, то в дальнем углу шкафа. Так Вячеслав незаметно для самого себя уходил в запой и остановиться самостоятельно уже не мог. Постепенно Саша выпала из его круга общения. Этот Сашин друг всё чаще злобно отзывался о ней да и об окружающем мире. Из романтика он постепенно превратился в циника. Шутки его становились всё более злыми, колючими, ехидными, жестокими и глупыми. Саше казалось, что Святослав спутал театральную постановку и обычную жизнь, так рьяно он драматизировал их совместную жизнь, разыгрывал скандальные пьесы дома, только роли уже принадлежали не актерам, а им самим. Заканчивались подобные спектакли упреками обеих сторон, слезами, мольбами о прощении, и потом, утром – походами в ларек за спиртным, шоколадкой и букетиком цветов для Саши, чтобы сгладить свою вину перед ней. Через три месяца такой театральной постановочной жизни, Саша собрала чемоданы своего обожателя и выставила его вон за дверь. Конечно же, расставание не обошлось без скандала, проклятий, слез, извинений, и снова упреков, на том роман Александры и Святослава и закончился.

Александра, переживая очередной разрыв с мужчиной, совершенно уверилась в том, она несет на себе родовое проклятье, прилипшее к их роду в глубоком прошлом за какие-то неведомые грехи. Она считала, что карма ее рода притягивает такое тотальное невезение в личной жизни.

Теперь Саша как могла боролась с чувством безысходности, с думами о бессмысленности своего существования. Дошивая костюмы к очередному спектаклю, она с ужасом думала о надвигающемся отпуске. Заказов в ателье было как на зло мало, она не могла, как обычно, погрузиться в работу и забыть о всех своих неудачах в личной жизни. Мысли и сны об этом преследовали ее.

Наступившее лето прибавило в жизнь непредсказуемости. Дожди и грозы, похожие на осенние, сменялись жарким знойным солнцем, и все это могло происходить по несколько раз на день, как в волшебной сказке про двенадцать месяцев, где в одно мгновение перед тобой могло промелькнуть несколько сезонов времен года. Да, к тому же, и влияние лунного затмения, которое пришлось на летний месяц июнь, отражалось на состоянии Саши, и возможно, из-за этого ей снились очень странные, тревожные сны. Не единожды снился ей конец света, где огромные волны цунами бушевали так, что глухой высокой водной стеной напоздали на город и смывали его. А потом она, одна одинешенька, стояла на опустевшем берегу и смотрела в успокоившуюся воду, и не было больше ничего вокруг кроме этой воды. Рядом с ней был совершенно незнакомый человек. Вдруг наступила поздняя сырая осень, моросил холодный дождь, мелкий и колючий, словно стальные иголки. Александра, вся вымокшая до нитки, ежась и плотнее обмотав вокруг своих узеньких хрупких плеч широкий шерстяной шарф, стояла на эстакаде, проходящей над железнодорожными путями. Сквозь туман, вдалеке, ей виднелись лучи ярких огней, и сквозь сон, словно звучащие извне, доносились пронзительные паровозные гудки. Эти гудящие звуки, тоскливые, одинокие, наполненные ночным отчаянием, словно граничащим с чем-то мистическим, въедались в ее сознание, пронизывали насквозь. Узеньки окружающий ее мир вдруг становился странным, пугающим, создавая ощущение того, что в любое мгновение может произойти все, что угодно. Смеркалось, и Саша вглядывалась в темное пространство. На перилах, скользких и покрытых льдом, она разглядела фигуру человека, сидевшую на корточках.

«Как так он на них держится?» – Подумала она.

Длинные, узкие, черные крылья, расположенные за его спиной, свисая, спускались вниз. Крылья были сложены, а человек печален. Саша вгляделась еще внимательнее в человеческий образ и увидела, что это девушка с прекрасным, но бледным лицом. Девушка с крыльями смотрела на поезда. Она была в глубокой задумчивости и словно погружена в переживания. Вдруг рев очередного паровозного гудка раздался с такой силой, что как будто разорвал воздух на куски. И тут Саша обратила внимание на ещё одного человека. Он стоял с обратной стороны моста, вцепившись крепко руками в скользкие перила, от напряжения пальцы рук дрожали, а самого его трясло. Человек был достаточно молод и симпатичен, но совершенно измучен жизнью. Его знобило, губы были синеватыми, он был очень худым. Парень явно готовился к прыжку с виадука на рельсы.

Глаза Александры привыкли к сумеркам, и ей было видно, как молодой человек тяжело дышал от страха. Кроме того, очевидно, он был болен, капли пота и румянец на щеках выдавал высокую температуру и лихорадочное состояние.

Но ту, нарушая естественную тишину, виадука с его лишь обычными звуками, нарушил неожиданно резкий, грудной женский голос, обращающийся к юноше.

Саша услышала этот голос, как и парень, который обернулся на него.

– Чего же ты ждёшь?! Боишься прыгнуть? – Спросил голос.

– Я ничего не боюсь! – Уверенно ответил парень.

– Да, это я уже заметила... – ответила девушка.

– Кто ты такая?! – Спросил парень. – У тебя крылья за спиной! У меня галлюцинации? Тебя не существует! – он зажмурился и мотнул головой.

– Ошибаешься, как раз я-то есть, всегда была и буду! А вот тебя не будет, если разомкнешь пальцы, – девушка передвинулась, пересев к нему ближе, она свесила ноги вниз и совершенно не боясь упасть.

– Кто ты такая? – Отчаянно прошептал парень, видимо что-то начиная понимать, глядя в её бездонные, поблескивающие в ночи, глаза.

– Я та, которую ты предал! Я дала тебе себя, свою великую часть себя. А ты предал! Взял и предал все, что тебе дали.

– Я-я...я не понимаю, о чем ты!!! – Парень, заикаясь и напугано попятился от нее, он будто понял, что происходит все не в привычном для него иллюзорном виде, а наяву, что это не гагаллюцинации. К тому же, он был без наркотического укола уже три дня. У него, конечно, началась ломка, но галлюцинаций точно не могло быть. Но и мучиться он больше не хотел.

– Ты все понимаешь. Чего у тебя было вдоволь? В детстве? В юности? Когда ты начал принимать наркотики, тебе казалось, что мой дар бесконечен! Кто же я?!!! Смотри мне в глаза! – Девушка неестественным образом изогнулась, словно ее тело было пластилиновым, и, приблизившись лицом к лицу, заглянула в его глаза, сверкнув черными глазницами, из которых вырвались проблески молний. Парень испугался и задышал очень часто.

– Время! – вылетел его вопль и раскатился по влажным шпалам, освещенными бессонными фонарями станции. Внезапный порыв ветра пронесся над пустынной эстакадой.

– Да... – тихо и печально сказала девушка. – Время подошло... Мои дары стали не нужны тебе, ты не пожелал ими воспользоваться... И ты решил бросить все. Ты захотел легкой и беззаботной жизни, перестал учиться, а потом и работать. Перестал помогать матери, которая любила тебя, и теперь ты хочешь избавиться от остатков моего дара и покинуть пределы своего тела? Что же, это твое право. Твоя жизнь – это твоя собственность. Только я хочу, чтобы ты взглянул, что будет после твоей смерти... – Она коснулась его головы длинными прохладными пальцами, и его сознание, словно по ее указке, стало концентрироваться. Он увидел, а также это наблюдала и Саша, как над станцией наступало утро. Трое полицейских склонились над бездыханным телом разбившегося от падения человека, распластавшимся на железнодорожных путях.

– Жмурик... – Скучным голосом произнес уставший за рабочую смену полицейский. Затем он по рации сообщил в диспетчерскую местоположение трупa, и то, что он уже холодный, и что-то ещё, касающееся этого события, чего Саша не расслышала.

К месту трагедии пришли ещё люди, принесли с собой черный мешок, в который упаковали тело.

Словно туманным маревом колыхнулся воздух, и как будто это осознание своего сна, Александра из морга продолжала наблюдать за происходящим. Она видела на стальном металлическом столе патологоанатома тело того упавшего с моста парня. Эксперт, склонившись над ним, внимательно осматривал труп, а полицейский, тем временем, найдя адрес и телефон матери покойного, позвонил ей.

– Сожалеем. Ваш сын скончался. Да. Подъезжайте, надо опознать труп. Угу...

Потом Саша видела, как мать погибшего, сама не своя – плакать она не могла – стояла бледная, боясь подойти близко.

– Да... да-да, это он... Он, – шептала она в полузабытьи. Саша не только наблюдала все это со стороны, она словно находилась в телах всех окружающих, будто знала их чувства. И вот, глядя на мать парня, ощутила внутреннюю пустоту, а внешне это выглядело так: Щеки женщины будто втянулись, казалось, что за несколько минут она похудела и постарела лет на десять. Глаза её глядели будто в пустоту, а в груди росла большая прожорливая дыра. И дыра

эта поглощала всю её жизнь. Внезапно видение кончилось, и наркоман, задыхаясь и дрожа от холода, словно вынырнул из ледяной проруби, оказался рядом с девушкой на мосту.

– Ну, что скажешь?! Неужели ты доволен таким концом своей жизни?! – Спросила она.

– Нет!!! – У парня текли горячие слезы, ручьями они катились по щекам, падали в осеннюю зябкую ночь. – Нет, пожалуйста, я передумал, я не буду больше! Я прошу прощения! Я люблю свою маму, и не хочу видеть ее в слезах!

– Я дам тебе еще один шанс... Идиот... – вздохнула девушка. И только она сказала это, руки его сорвались с перил эстакады, но вниз тело не полетело. С удивлением Саша, которой снился этот сон, поняла, что и на мосту паренька тоже нет. Сидит лишь девушка с крыльями, в наступающем рассвете она задумчиво и печально смотрит вдаль. А после она сорвалась с места и, взмахнув крыльями, улетела в сторону восходящего солнца. И Саша оказалась в палате рожениц в городском роддоме, где только что родился младенец. Саша поняла, что это тот самый человек, который пытался прыгнуть с моста. Или его часть, которая, наконец, попробует жить иначе. Саша была совершенно уверена в этом. Теперь малыш был спокоен, он лежал в тепле, на груди мамы, и все самое страшное было позади. А впереди была новая жизнь, новый шанс. И малыш был так, казалось, сосредоточен, так крепко впивался в маму, что, казалось, свой шанс ни за что не упустит теперь.

Саша проснулась, в комнате было светло. По палящему за окном солнцу она поняла, что уже давно наступило утро, поглядела на часы и нехотя вылезла из кровати. Приняв душ, Александра, пошла варить для себя кофе.

Ну и сны же снятся... – за чашечкой утреннего кофе думала Александра. Наркоманы какие-то, мистика. С чем это все связано? – размышляла она. Потом Саша вспомнила один эпизод из своей жизни:

Они тогда, уже после развода родителей, жили вдвоем с мамой, ей было семнадцать лет. Дома не было денег, а Саше задерживали зарплату. Они взяли займы у соседки до зарплаты немного на хлеб и молоко. Александра пошла в ближайший магазин купить продуктов, а время было уже позднее, работал только круглосуточный маркет за две остановки от дома. На сумрачной улице никого не было. Моросил теплый сентябрьский дождик. Саша шла, уткнувшись в телефон. На дорогу не глядела, да и машин на проспекте рядом не было. Впереди она заметила двоих ребят – подростков. Александра пыталась обойти их справа. Но и они двинулись вправо, она влево – и они влево, а когда они поравнялись, те достали ножи и направили их на нее.

– Давай телефон! – прокричал один из них.

Саша в ответ расхохоталась. Её рассмешило то, что и телефон был очень дешёвым, и денег не было на нем ни копейки.

– Вы даже позвонить не сможете, там нет денег. Ну, берите его, если надо... – она протянула телефон.

Они смотрели на нее долю секунды, не понимая, что происходит, а потом схватили телефон и бросились наутёк.

Саша шла к магазину и смеялась. Ей настолько нелепой показалась ситуация, когда телефон оказался бесполезнее хлеба. Если бы эти парни встретились ей на обратном пути и украли хлеб, ей было бы гораздо хуже. А так – телефон, какая глупость.

Когда она вернулась домой и рассказывала это матери, та до смерти перепугалась и обняла её. Конечно, она сказала, что это вовсе не смешно. А Саша радовалась, что хлеб и молоко для своей семьи она донесла в целостности и сохранности, к тому же, пришла домой живая, а на оплату телефона все равно у нее денег не было. Что от него толку, если счет не оплачен?

Потом Саша вспоминала, что бандиты, отобравшие у нее телефон, были со странно расширенными зрачками. Так Саша догадалась, поняла, что они были наркоманами. Так она стала

бояться ходить поздно с работы, но, тем не менее, деваться некуда, все равно приходилось ходить. Страх этот, как ни странно, пропал после очередного странного сна. Иногда Саша путала, она живет в своих снах или в реальной жизни, и часто щипала себя за руку, чтобы понять во сне или наяву происходят события. В том сне она была ведьмой, летела на метле высоко над городом и увидела, пролетая мимо окон многоэтажного дома, как обижают девушку в окне пятого этажа. Она, ни минуты не сомневаясь, влетела в окно, посадила девушку на метлу, приказала ей крепко держаться и взмыла в воздух, оставив в квартире одного драчливого пьяного мужика. Потом она, рассекая просторы неба, перелетела с одного края города на другой и доставила девушку к её матери, также влетев с ней через оконный проем, и та в слезах побежала рассказывать о том, что чудом спаслась от мужа. Александру угнетала несправедливость этого мира, во сне она думала, что если не поможет она, не поможет больше никто. И, помогая обиженным, она будто помогала себе. Во сне, наконец, она вырвалась и унеслась вверх, в стратосферу, в небо! Ее взору открывались другие миры, галактики. Воздух был свежим, но все ещё теплым. Саша поняла, что оказалась на какой-то устойчивой платформе, настолько огромной, словно плоская земля. Она увидела сидящий на платформе патруль оборотней, – полуволков-полулюдей. Они, казалось, только её и ждали. А дальше Александра вступила в какой-то длительный, но уже вполне конструктивный диалог о том, как им вместе приструнить всех, кто ведёт себя безобразно: хулиганов, наркоманов, алкоголиков, просто подлецов, которые не чувствуют ни жалости, ни любви, ни сострадания к окружающим. Несмотря на то, что сидели они все прямо на полу, облокотившись на какую-то металлическую стену, с торчащими в ней проводками, процесс решения сложнейшей этой задачи шёл весьма бойко. Александра была вполне довольна тем, что договорилась о помощи волков. Они теперь собирались вместе с ней спуститься вниз, для того чтобы помочь слабым, обездоленным и приструнить злых людей. Сон Александры, словно тяжёлый и спелый фрукт, наполнился энергией, став весомым и значительным. Ощущения во сне Александры сообщали ей, что очень скоро, наконец-то, совершится истина, справедливость восторжествует, и с чувством выполненного долга Саша проснулась, но она была такой уставшей, словно то, что ей привиделось в астральном путешествии души, она прожила наяву, и от проделанной работы ее тело гудело так, словно она разгружала вагоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.